

Глава 1. Остров Пэнлай

Полуденное солнце цедилося сквозь резные оконные переплеты библиотечного терема, устилая пол дрожащими золотыми бликами.

В тени под свесом крыши дремал крупный зверь, похожий на белоснежного леопарда с угольно-черными полосами. Положив голову на скрещенные длинные лапы, он лениво щурился, погруженный в полуденную негу.

Шэнь Цинчжоу достал с полки «Историю царства Шу» и вернулся к столу. Но стоило ему перевернуть первую страницу, как снаружи раздались торопливые, частые шаги.

Полосатый хищник повел округлыми ушами и настороженно приподнялся, а Шэнь Цинчжоу не спеша прикрыл фолиант.

— Младший шишу! Младший шишу! — донесся издалека звонкий юношеский голос.

Зверь повел ноздрями. Почуввав знакомый запах, он шумно выдохнул и лениво опустился обратно на камни.

По вымощенной плитняком тропинке, тяжело отдуваясь, взбежал юноша. В руках он бережно сжимал изящный лакированный ларец. Начало осени выдалось жарким, и пока парень добирался сюда, его лоб успел покрыться испариной.

Шэнь Цинчжоу удивленно приподнял брови и поднялся из-за стола:

— Сьюань?

Цинь Сьюань замедлил шаг, левой рукой приподнял подол парчового халата и, легко перемахнув через высокий порог, подскочил к Шэнь Цинчжоу. Тяжелый ларец с тихим стуком лег на крышку стола.

— Что это? — спросил Шэнь Цинчжоу.

— Отец велел передать тебе, — Цинь Сьюань неловко почесал затылок.

Шэнь Цинчжоу молча кивнул. Не спеша с открыванием подношения, он сперва налил гостю чашку прохладной воды. Поспешно поблагодарив, юноша принял белый фарфоровый кубок обеими руками и жадно припал к нему.

Шэнь Цинчжоу задумчиво разглядывал резную крышку ларца, украшенную яркой росписью.

На душе у него было беспокойно.

Отец Сьюаня, Цинь Жуй, занимал пост нынешнего главы клана Цинь. Сам же Шэнь Цинчжоу оставался лишь скромным хранителем заштатного библиотечного терема. С чего бы главе присылать ему дары, да еще отправлять с ними собственного сына и наследника?

Двадцать два года назад трехлетнего Шэнь Цинчжоу приютила семья Цинь. То ли мальчик рос на редкость смысленным и ладным, то ли по какой иной причине, но старый глава клана, наперекор всем старейшинам и несмотря на его удручающе посредственные способности к совершенствованию, твердо решил сделать сироту своим личным учеником.

Вскоре старейшина передал бразды правления Цинь Жую, а сам забрал маленького Шэнь Цинчжоу и отправился странствовать по свету. Лишь пять лет назад Шэнь Цинчжоу вернулся в родные пенаты один, чтобы пройти обряд совершеннолетия и надеть мужской венец. Старый же мастер с тех пор бесследно исчез.

Всего у клана Цинь имелось три библиотечных терема. Тот, что достался под начало Шэнь Цинчжоу, именовался Теремом Черной Птицы. Хранящиеся здесь свитки содержали в основном городские предания, рыцарские романы да самые простые, низовые техники, так что войти сюда и взять книгу мог любой желающий.

По сути, нынешний глава Цинь просто уважил волю покойного родителя и пристроил младшего шиди на непыльную, приличную должность смотрителя.

— И что же прислал почтенный глава? — спросил Шэнь Цинчжоу, слегка коснувшись пальцами резного края шкатулки.

Цинь Сьюань, осушив чашку единым духом, завороченно уставился на притаившегося на пороге полосатого зверя. Услышав вопрос, он лишь мельком взглянул на дядю.

— Сам не знаю. Открой да погляди, шишу.

С этими словами он на цыпочках подобрался к зверю и присел на корточки, борясь с искушением протянуть руку и погладить густую шерсть.

— Не трогай его, — поспешил предостеречь племянника Шэнь Цинчжоу. — Он никого, кроме меня, не подпускает. Укусит — мало не покажется. Хэйшицзы, лежать!

Полосатый хищник спрятал оскаленные клыки и послушно перевернулся на спину, подставив теплему воздуху мягкое белое брюхо. Однако его когти так и остались полувыпущенными из подушечек лап, а сам он пристально следил за каждым шевелением юноши узкими, как щелочки, зрачками. Недвусмысленное предупреждение.

Цинь Сыюань ничуть не испугался, он смотрел с восторгом:

— Но ведь это настоящий мэнцзи! Диковинный зверь! Сами императоры не всегда могут позволить себе такую редкость!

Мэнцзи — легендарные твари, обитающие на кручах горы Шичжэ. Свое имя они получили за странный, ни на что не похожий крик. Обликом они напоминают белоснежных барсов с темными разводами. Эти существа — непревзойденные мастера маскировки, встретить их в дикой природе — великая удача, а уж приручить и вовсе считалось делом немыслимым.

Этого мэнцзи Шэнь Цинчжоу подобрал еще крошечным, едва скулящим котенком и выходил сам. Зверь вырос невероятно сметливым, но дикий нрав никуда не делся: Хэйшицзы признавал одного лишь хозяина и на дух не переносил чужаков.

Вняв уговорам шишу, Цинь Сыюань нехотя попятился, но взгляда от редкого чудища так и не отвел, любуясь его гибким, полным скрытой мощи телом, столь непохожим на тела обычных лесных хищников.

Шэнь Цинчжоу наконец облегченно перевел дух. Не хватало еще, чтобы молодой преемник клана пострадал под крышей его терема.

Он подошел к столу и осторожно потянул за крышку шкатулки, присланной старшим шисюном Цинь Жуем.

В глаза ударил слепящий золотой блеск. На алом шелковом ложе высилась литая фигурка писю. Мифический зверь замер с гордо поднятой головой и широко распахнутыми глазами. Тончайшая работа, безупречные линии и поразительное изящество выдавали руку великого мастера. О цене такого подношения страшно было даже подумать.

Каждая черточка золотой безделушки кричала лишь об одном: «Баснословно дорого!»

Шэнь Цинчжоу судорожно вздохнул. Его пальцы дрогнули, и он с глухим стуком захлопнул ларец.

Резкий звук отвлек Цинь Сыюаня от созерцания мэнцзи.

— Что случилось, шишу? Что там отец прислал?

На лице Шэнь Цинчжоу отразилось крайнее смятение. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы унять внезапную дрожь, он уставился на племянника долгим, невыразимым взглядом. Слова застряли у него в горле. С трудом сглотнув слюну, он выдавил сквозь зубы:

— Золотой писю.

— А, так это просто писю, — равнодушно отозвался юноша, совершенно не заметив перемены в лице дяди.

— Ну да, — Шэнь Цинчжоу побледнел и натянуто улыбнулся.

Ни единая душа на свете не знала, какой непреодолимый, панический ужас Шэнь Цинчжоу питал к этим существам. Стоило ему просто представить писю, как спина покрывалась ледяным потом. Этот страх, казалось, дремал в самой глубине его естества, словно генетическая память предков перед лицом первородного врага — безотчетная, древняя и властная.

Хотя умом он понимал всю нелепость своего страха: писю испокон веков почитались как благородные, приносящие счастье знамения, никогда не вредившие людям. И все же совладать с собой Шэнь Цинчжоу не мог.

Тем временем Цинь Сыюань лениво побродил между стеллажами и вдруг, заметив что-то на самой верхней полке, потянулся на цыпочках и ловко выудил оттуда пыльный свиток.

Шэнь Цинчжоу подошел поближе и заглянул через плечо парня:

— Обращайся со свитками бережнее, не порви... «Сказание об императорской колеснице»? Сыюань, твой отец не одобрит, если ты станешь тратить время на дешевое городское чтиво.

— Тс-с! — Цинь Сыюань прижал палец к губам и заговорщически подмигнул: — Если ты промолчишь и я не сболтну, отец ни о чем не узнает. — С этими словами он без лишних церемоний уселся прямо на деревянный пол и с головой ушел в чтение.

Шэнь Цинчжоу со вздохом покачал головой:

— Сядь за мой стол. Наследнику великого клана Цинь не подобает валяться на полу!

— Шишу, ты лучший! Спасибо! — расплылся в улыбке Цинь Сыюань, пропустив нотацию мимо ушей.

Он мигом вскочил на ноги и вприпрыжку направился к тяжелому столу из грушевого дерева, стоявшему у самого входа в терем.

В этот момент Шэнь Цинчжоу краем глаза заметил, что к дверям торопливо бежит какой-то человек. Он тут же сделал племяннику предостерегающий знак.

Цинь Сыюань отреагировал мгновенно, словно его ужалила оса: подпрыгнул на стуле, привычным движением швырнул запретный свиток в ящик стола и в мгновение ока принял на редкость благообразный и сосредоточенный вид.

— Господин смотритель! Беда, господин смотритель! — еще издали заголосил запыхавшийся слуга.

Шэнь Цинчжоу быстро шагнул ему навстречу:

— Переведи дух. Что стряслось?

Слуга едва не плакал от страха. Наспех поклонившись, он зачастил:

— Господин Тань упал в реку! Когда его вытащили, он уже не дышал! Пожалуйста, пойдемте скорее!

— Что? Тань Ци?.. — лицо Шэнь Цинчжоу на мгновение потемнело, но он тут же взял себя в руки: — Где он сейчас? Кто с ним остался? Лекаря вызвали?

— Он на берегу реки Люй. Его вытащил Третий старейшина, — уверенность смотрителя передалась слуге, и тот заговорил спокойнее.

Третий старейшина клана Цинь, старец Цинь Хэ, славился своим искусством врачевания. Если уж он оказался рядом, то за жизнь Тань Ци можно было не опасаться: старик сумел бы вырвать несчастного из лап самой Смерти, теплилась бы в нем хоть искра жизни.

— Прошу молодого главу подождать меня здесь, — негромко произнес Шэнь Цинчжоу. При посторонних он строго соблюдал приличия и оказывал племяннику подобающее уважение. — Я скоро вернусь, нужно проверить, как там Тань Ци.

— Хорошо, шишу, ступай! — Цинь Сыюань загорелся было желанием увязаться следом, но под строгим взглядом дяди лишь послушно закивал.

— Хэйшицзы, — Шэнь Цинчжоу обернулся к мэнцзи. — Слушайся молодого главу и никого постороннего в терем не пускай.

Зверь издал короткий, гортанный звук, взмахнул упругим, точно плеть, хвостом и, расправив густой мех на загривке, с царственным видом уселся прямо посреди дверного проема.

Закончив с распоряжениями, Шэнь Цинчжоу поспешил вслед за слугой к реке Люй.

Когда Цзи Ин пришел в себя, в голове у него царил полнейший хаос.

Разомкнув затуманенные веки, он не смог ничего разобрать. Перед глазамиплыли и колыхались тяжелые темные силуэты. От этого кружения к горлу подступила тошнота.

В иссушенном горле першило от горького привкуса речной тины. Цзи Ин мучительно, надсадно закашлялся.

— Очнулся! Очнулся, смотрите!

— С Третьим старейшиной ему ничто не грозило.

— Разойдись, поберегись! Имбирный отвар несите!

Голоса безжалостно били по воспаленному мозгу. Цзи Ин почувствовал, как чьи-то заботливые руки приподняли его и усадили, набросив на плечи плотное сухое одеяние. Тепло медленно разливалось по телу, возвращая жизнь занемевшим членам.

Сквозь общий гул пробивался чей-то надтреснутый старческий голос. Он то приближался, то вновь отдалялся, раздражая и без того измученный слух:

—...обошлось... на будущее надобно... в кладовой сыщется...

Выговор у говоривших был странным, архаичным, так что Цзи Ин улавливал лишь обрывки смысла.

Он зажмурился, выдавив из глаз слезы, и мир вокруг наконец обрел четкие очертания.

Цзи Ин увидел толпу людей в темных просторных одеждах, обступивших его. Чуть поодаль негромко переговаривались двое: осанистый старец и молодой мужчина.

Но главное, что поразило его до глубины души — все они щеголяли в длиннополых древних халатах, а их длинные волосы были собраны в высокие прически.

Заметив, что парень пришел в себя, обступившие его люди наперебой принялись расспрашивать о самочувствии.

Цзи Ин окончательно растерялся.

Что происходит? Где он очутился? Ведь еще вчера он засыпал в своей тесной студенческой комнатухе на жесткой койке, больше похожей на гроб. Как его угораздило проснуться среди этого маскарада?

Как современный студент двадцать первого века, воспитанный на интернет-романах, он мгновенно сообразил, к чему все идет.

Если это не дурацкий розыгрыш с участием кучи актеров, то вывод напрашивался один...

Он переродился. Причем, судя по всему, его душа заняла чужое тело.

Цзи Ин оцепенел. Мысли заметались в панике, сменяясь полным отчаянием.

Одно дело — читать о попаданцах в сетевой литературе, лениво листая страницы на лекциях, и совсем другое — самому оказаться на их месте. Это уже ни в какие ворота не лезло!

Мало того что он очутился черт знает где, так еще и память прежнего владельца тела испарилась без следа. Сам же он не помнил ни формул пороха, ни чертежей парового двигателя, чтобы устроить тут промышленный переворот. Даже стихов великих поэтов наизусть не знал — разве что таблицу умножения без запинки назовет.

«Мамочки... Спасите! Я хочу домой!» — мысленно взмолился попаданец.

Видя, что обычно бойкий охранник терема лишь безмолвно хлопает глазами с диковатым видом, окружающие решили, что парень просто наглотался воды и до смерти перепугался. Проявив чуткость, они понемногу разошлись, напоследок сунув ему в руки теплую пиалу с целебным отваром.

Цзи Ин сидел на траве, бездумно глядя в темную пряную жидкость.

Тем временем Третий старейшина, как раз заканчивавший давать наставления Шэнь Цинчжоу, заметил, что утопленник зашевелился. Кивнув зрителю, старец подозвал учеников клана Цинь — дела не ждали, и ему нужно было спешить.

Старик небрежно взмахнул рукой, сложив пальцы в ритуальный жест. Меч у его пояса со звоном вылетел из ножен. Легко, словно пушинка, старейшина взмыл в воздух и опустился ступнями прямо на узкое лезвие. Ни тени старческой немощи не было в этом безупречном движении.

Остальные адепты дружно последовали его примеру. Десятки клинков взмыли ввысь, обращаясь в сияющие росчерки света, и устремились вслед за наставником.

Цзи Ин вздрогнул, и остатки сонной одури мигом вымело из его головы.

Так это же... мир бессмертных заклинателей!

Забудьте все, что он думал минуту назад! Он передумал, он остается! К черту дом, он будет совершенствоваться! Какой мальчишка не грезил о полетах на мечях?

Его воображение тут же нарисовало эпические картины: вот он летит над облаками, сжимая в руке легендарный клинок, и одним махом повергает полчища врагов... Из сладких грез его вывел шорох шагов. Опустив взгляд, он понял, что перед ним стоит тот самый молодой человек.

Оставшийся на берегу мужчина был высок и статен. Его кожа отливала матовым блеском тончайшего белого нефрита, его брови резко взлетали к вискам, а в глубине миндалевидных глаз светилась тихая, мягкая сила. Шелковистые пряди, черные, точно крыло легендарной Черной Птицы, волнами ниспадали на плечи.

Без всякого преувеличения, этот незнакомец — пусть и принадлежал к мужскому полу — превосходил своей красотой любого, кого Цзи Ину доводилось встречать в прошлой жизни.

Цзи Ин судорожно подбирал слова, способные описать подобное великолепие, но он заговорил быстрее, чем успел сообразить:

— Офигеть... Ну и красавчик!

Шэнь Цинчжоу, собиравшийся подойти к спасенному поближе, замер на полушаге. На его лице отразилось искреннее, глубокое недоумение.

— «Офигеть»?.. Что это за слово такое? И кого ты назвал «красавчиком»?

<http://bllate.org/book/18428/1765890>